Фольклор и антропология города, Т. 7. N. 4. 2025
Тип публикации: Статья
EDN: MFEXGO

«Какая-то субъектность»: соучастие и урбанистика глазами российских урбанистов поколения 2010–2020-х годов

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ЛОПАТКО [1]

✉ danawourd@gmail.com
ORCID: 0009-0001-9542-285X
[1] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

ПЕТР ВАДИМОВИЧ ИВАНОВ [1]

✉ petrvadimovichivanov@gmail.com
ORCID: 0009-0005-8581-7072
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования:
Лопатко, С. А., Иванов, П. В. (2025). «Какая-то субъектность»: соучастие и урбанистика глазами российских урбанистов поколения 2010–2020-х годов. *Фольклор и антропология города*, *7*(4), 74–91.

Статья посвящена комплексному исследованию восприятия и осмысления практики соучастия среди российских урбанистов поколения взрывной институциализации соучаствующего проектирования (2010–2020-е годы). Этот этап, отмеченный появлением федеральных программ вроде «Формирования комфортной городской среды» и Конкурса малых городов, сформировал новое поколение специалистов, для которых вовлечение горожан стало неотъемлемым, хотя и проблематичным требованием. Эмпирическую основу исследования составило 21 глубинное биографическое интервью с информантами различных профессий (архитекторы, городские активисты, социологи, градостроители и пр.), работающими как в коммерческом, так и в государственном секторе, с профильным образованием и без него. Ключевым выводом исследования является обнаружение фундаментального внутреннего конфликта в профессиональном самосознании современных урбанистов. Авторы идентифицируют и описывают два противоречащих друг другу образа профессии: «урбанизм-науку», стремящуюся к универсальным, конвертируемым знаниям и решениям, и «урбанизм-практику», ориентированную на уникальные и непереносимые контекстные кейсы. Эта двойственность, теоретически осмысленная через концепции «множественности» Аннмари Мол и «разделения миров» Бруно Латура, пронизывает все аспекты мировоззрения респондентов. Исследование демонстрирует, что, несмотря на единогласное признание необходимости соучаствующего проектирования, в сообществе отсутствует консенсус относительно его определения, методологии и границ. Это порождает внутренние противоречия в ответах на вопросы о гендерном равенстве, роли муниципалитетов и агентности горожан. Урбанисты оказываются в положении, когда они вынуждены

одновременно быть беспристрастными экспертами («рупором фактов») и активными политическими акторами, медиаторами интересов. Таким образом, работа вскрывает глубокие мировоззренческие и практические напряжения, определяющие ландшафт современной российской урбанистики.

Ключевые слова: соучастие, урбанистика, антропология города, социология города, антропология профессий

Дата поступления в редакцию: 27.08.2025
Дата рецензирования: 14.10.2025
Дата принятия к публикации: 24.10.2025
© С. А. Лопатко, П. В. Иванов

Urban Folklore & Anthropology V. 7. N. 4. 2025
Publication type: Article
EDN: MFEXGO

"Some kind of agency": Participatory planning and urbanism through the eyes of the 2010–20s generation of russian urbanists

SOFIA A. LOPATKO [1]

✉ danawourd@gmail.com
ORCID: 0009-0001-9542-285X
[1] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

PETR V. IVANOV [1]

✉ petrvadimovichivanov@gmail.com
ORCID: 0009-0005-8581-7072
[1] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Lopatko, S. A., Ivanov, P. V. (2025). "Some kind of agency": Participatory planning and urbanism through the eyes of the 2010–20s generation of russian urbanists*Urban Folklore & Anthropology, 7*(4), 74–91. (In Russian).

This article presents a comprehensive study of the perception and conceptualization of participatory design practices among Russian urbanists belonging to the generation of its rapid institutionalization (2010s–2020s). This period, marked by the emergence of federal programs such as the "Formation of a Comfortable Urban Environment" and the "Competition for the Improvement of Small Towns and Historical Settlements," shaped a new generation of professionals for whom citizen engagement became an integral yet problematic imperative. The empirical foundation of the research consists of 21 in-depth biographical interviews with informants from various

professional backgrounds (architects, urban activists, sociologists, urban planners, etc.) working in both commercial and public sectors, with and without formal specialized education. One of the study's key findings is the identification of a fundamental internal conflict within the professional self-consciousness of contemporary urbanists. The authors identify and describe two conflicting images of the profession: "urbanism-as-science," striving for universal, transferable knowledge and solutions, and "urbanism-as-practice," focused on specific, unique, and context-dependent cases. This duality, theoretically framed through the concepts of "multiplicity" (Annemarie Mol) and the "division of worlds" (Bruno Latour), permeates all aspects of the respondents' worldviews. The research demonstrates that, despite a unanimous recognition of the necessity of participatory design, there is a consensus lack within the community regarding its definition, methodology, and boundaries. This generates internal contradictions in responses to questions concerning gender equality, the role of municipalities, and the agency of citizens. Urbanists find themselves in a position where they are forced to simultaneously act as impartial experts (a "mouthpiece for facts") and active political actors mediating diverse interests. Thus, the work reveals profound ideological and practical tensions that define the landscape of contemporary Russian urbanism.

Keywords: participation, urban studies, urban anthropology, urban sociology, Latour

Развитие сферы городских исследований в России ожидаемо поднимает вопросы о самих урбанистах — городских исследователях и практиках, активно развивающих это поле. Что (и кто) формирует этих людей — ценностно, идеологически, академически? Откуда они черпают идеи, как изобретают подходы, где учатся, что считают важным?

Проведенное нами исследование является первой попыткой описания профессии урбаниста с социолого-антропологической точки зрения и может стать стартом для дальнейших исследований. В частности, у исследовательской группы уже есть полевой задел на изучение поколения урбанистов, чьей профессиональной целью была кодификация урбанистической практики в виде Градостроительного кодекса Российской Федерации. Наш ключевой исследовательский вопрос — как поколение урбанистов, дебютировавших в профессии на волне взрывной институциализации соучаствующего проектирования (2010–2020-е), видит эту практику?

Статья не претендует на исчерпывающее описание профессии урбаниста в России — мы подчеркиваем необходимость дополнительных исследований, особенно в области профессиональной практики. Тем не менее, мы надеемся, что данная работа может стать поводом как для научной, так и для форумной дискуссии, а также положить начало новому качеству профессиональной саморефлексии.

Объектом исследования стало вышеописанное поколение урбанистов, а предметом — их отношение к практике соучаствующего

проектирования. Мы не фокусируемся на возрасте информантов, так как в описываемый нами период в урбанистику приходили как юные выпускники профильных учебных программ, так и более старшие специалисты из бесконечно далеких областей (например, один из наших информантов — выходец из сферы глянцевой журналистики). Среди наших информантов были представители самых разных специальностей, так или иначе связанных с работой с городской средой. Это архитекторы, социологи, антропологи, ландшафтные инженеры, градостроители, люди смежных специальностей.

Метод исследования — биографические глубинные интервью: большая часть проходила через Zoom, однако было и несколько очных, взятых в Красноярске. Через Zoom взято 19 интервью, 2 интервью проходили в очном режиме. Всего было взято 21 глубинное интервью (15 опрошенных – мужчины, 6 – женщины). Опрашивались как известные в российской профессиональной сфере урбанисты, так и непубличные: это позволило шире взглянуть на обозначенную тему. Интервьюировались как специалисты, ведущие частную практику, сотрудники крупных коммерческих институций, вроде девелоперских компаний или проектных бюро, так и те, кто работает в государственном секторе. Непубличные специалисты привлекались к исследованию через телеграм-канал «Урбанизм как смысл жизни». Полевой этап проводился с декабря 2023 по март 2024 года.

В качестве определения соучастия мы возьмем то, что представлено на сайте Института развития городов Республики Башкортостан: «Соучаствующее проектирование, или партисипация (от англ. participatory design[1]) — это методика организации общественного участия и один из этапов проектирования (например, парка или набережной) с вовлечением горожан, местных сообществ, активистов, представителей администрации, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместных решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта»[2]. Добавим, что речь может идти не только о благоустройстве общественных пространств, но также о разработке стратегических документов, таких как мастерпланы отдельных районов, городов и агломераций. Мы не утверждаем, что наше определение — единственно приемлемое, и остав-

[1] Что любопытно, английская формулировка дана не совсем корректно: книга Генри Саноффа «Соучаствующее проектирование», ставшая основой для популяризации практик соучастия в России, в оригинале называется Democratic Design [Санофф 2015].

[2] https://irgrb.ru/participation

ляем за информантами право самостоятельно задать понимание соучастия.

В начале интервью мы задавали вопросы о личном пути в урбанистике — образовательной и профессиональной траекториях. В этот же блок вошли вопросы о повлиявших персоналиях, книгах, фильмах и пр. Далее мы коснулись организации потребления профессиональной информации — за какими журналами, книжными сериями, блогами следят наши собеседники. Затем мы предлагали участникам исследования разместить себя на политических координатах, описать себя как приверженца тех или иных взглядов. Далее шли вопросы о соучаствующем проектировании — как наши собеседники видят эту практику, считают ли ее ценностной или технократической, как оценивают ее развитие в России. После шел блок вопросов про муниципальное самоуправление в России, каковы его текущее состояние и перспективы, необходимо ли работать с этими муниципалитетами. Мы также затронули тему урбанфеминизма — поинтересовались мнением о положении женщин в профессии и женском взгляде в проектировании. Наконец, финальный блок вопросов касался текущей ситуации в стране и места урбанистики и урбанистов в этих процессах.

Подобные вопросы позволили нам понять, как заданное поколение урбанистов видит свою профессию, практику соучаствующего проектирования, а также пролили свет на его ценностные установки. Мы выявили как общие черты участников исследования, так и точки размежевания.

История соучаствующего проектирования в России

Дальнейший текст представляет собой ретроспекцию личного опыта включенного наблюдения за событиями, связанными с развитием соучаствующего проектирования в России, и попытку реконструкции этой истории на основании различных источников. Несмотря на то, что временем взрывной институциализации соучаствующего проектирования в России мы считаем 2010-е годы, отдельными специалистами соучастие так или иначе применялась и до этого периода. Так, например, кейсы партисипации описывает Вячеслав Глазычев в своей работе «Глубинная Россия» [Глазычев 2003]; также еще в 1990-е годы партисипацию практиковали Евгения Репина и Сергей Малахов в Самаре. Ее же мы встречаем и в деятельности социолога Владимира Вагина [Вагин 2016], связанной с внедрением практики инициативного бюджетирования. Наконец, партисипацию под именем соучаствующего проектирования продвигал Константин Кияненко [Кияненко 2019] в Вологде. У него училась Надежда Снигирева, которая в 2015 году издаст книгу Генри Саноффа Democratic Design под названием «Соучаствующее

проектирование» [Sanoff 2010; Санофф 2015]. Надо сказать, что один из авторов этой статьи тоже практиковал партисипацию в начале 2010-х годов и называл это партисипаторным планированием[3], но это словосочетание вызывало отторжение как у горожан, так и у архитекторов. Русскоязычной публике полюбилось словосочетание «соучаствующее проектирование» или «соучастие», и название закрепилось, выиграв эволюционную гонку у «партисипации» и санкт-петербургской «партиципации»[4].

Так или иначе, на Московском урбанистическом форуме 2015 года книга Генри Санофф произвела фурор — что характерно, в первую очередь среди представителей муниципальных и региональных администраций, а также Министерства строительства Российской Федерации. Профессиональное сообщество, а в особенности те, кто пришел в урбанистику в период разработки Градостроительного кодекса РФ, поначалу приняло эту книгу прохладно. Урбанист Александр Антонов в интервью, взятом одним из авторов статьи в 2024 году, настаивал на том, что его поколение уже занималось соучастием:

> А про соучастие, понимаешь, с этими коллегами я пытался им рассказать, что, как бы, официальное соучастие в России — это публичные слушания, которые обязательно в порядке были поставлены в [Градо]строительном кодексе [2004 года]. И тогда начинается массовая история соучастия. И ее нельзя не замечать. Да? Вот все-таки вот эта вот история о том, что, как бы, есть урбанисты, которые вроде как занимаются комфортной городской средой[5].

Столичные урбанисты из Москвы и Санкт-Петербурга (в указанный период, в силу нахождения там ключевых институций и специалистов, урбанистика развивалась преимущественно там) тоже не сразу оценили книгу и поначалу много шутили о том, что «соучастие» — это что-то из области Уголовного кодекса; и продолжали дискуссию о том, как правильно говорить — «партисипация» или «партиципация» [Верещагина 2021].

Но внезапно осенью 2015 года понятие «соучаствующее проектирование» [Arnstein 1969] появляется в документах Министерства строительства Российской Федерации в части рекомендаций к проектированию общественных пространств. Эта первичная кодификация навсегда изменила ландшафт партисипаторных практик в России — как минимум, определила название. Поменялась и сама практика: постепенно в проектирование внедрялись различные формы вовлечения горожан. На форумах (например, на Москов-

[3] https://rutube.ru/video/f0af8af62ca0ba393d24525aa4f3df9c/
[4] https://upschool.tilda.ws/
[5] Пилотное интервью. Полевой материал авторов.

ском урбанистическом форума и Делай Саммите) обсуждали лестницу гражданского участия Шерри Арнштейн [Arnstein 1969]. Различные инициативные проекты, такие как благоустройство двора на улице Академика Анохина, д. 38[6] и благоустройство бульвара «Бродвей» в Тропарево-Никулино[7] включали опросы и проектные сессии с горожанами. Опросы начали практиковать такие крупные компании, как Wowhaus — например, в скандально известном случае с благоустройством Площади Революции в Красноярске [Савельев, Унагаева, Федченко 2021].

Отдельно стоит отметить общественный запрос на соучаствующее проектирование. 2010-е годы стали периодом бурного развития городского активизма. Стала модной художественная группировка «Партизанинг», которая, в том числе через инструменты вовлечения горожан, придумывала различные практики самостоятельного и быстрого изменения городской среды. Популяризировались городское садоводство и guerillia gardening (партизанское садоводство). Появлялись различные форматы реализации горожанами права на город, такие как самодеятельные фестивали и городские праздники. Приложения типа Foursquare или Strava подталкивали горожан проводить больше времени вне дома. Различные СМИ — «Собака», Москвич Mag, «Афиша» — подхватили урбанистическую повестку и начали выпускать материалы о том, каким образом горожане могут влиять на свой город. Именно тогда в качестве идентификации различных экспертов в области городского развития стало использоваться слово «урбанист».

Последующая институциализация соучаствующего проектирования была связана с тем, что Проектную группу 8, основанную Надеждой Снигиревой и Дмитрием Смирновым, пригласили работать в Республику Татарстан в 2016 году. Там они смогли вывести соучаствующие практики на уровень регионального норматива. Например, соучастие активно применялось при благоустройстве таких знаковых пространств, как бульвар Белые Цветы или озеро Кабан. По-настоящему массовым соучастие в Республике Татарстан стало благодаря программе «1000 дворов».

Глядя на успехи Республики Татарстан, Министерство строительства приняло решение о создании программы Формирование комфортной городской среды (далее — ФКГС), а также Конкурса лучших проектов благоустройства городской среды малых городов и исторических поселений в 2017 году. Программа ФКГС на федеральном уровне не подразумевала обязательного проведения соучастия, однако на основании принятых ранее рекомендаций отдельные регионы, такие как Республика Башкортостан или Крас-

[6] https://urban.hse.ru/news/122238302.html
[7] https://archi.ru/russia/55917/troparevo

ноярский край, делали соучастие обязательным на региональном уровне.

Конкурс малых городов и исторических поселений, в свою очередь, стал ключевым инструментом институциализации соучастия, так как сделал обязательным вовлечение широкого круга горожан. Согласно условиям конкурса, для создания второго раздела заявки обязательно проводить массовый опрос горожан и проектные сессии с рекомендованным числом горожан в 100 человек. Также в рамках конкурса поощряются и другие форматы вовлечения — флэшмобы, фестивали, конкурсы детского рисунка и т. п.

Конкурс создал относительно стабильный рынок соучаствующего проектирования. Каждый год сотни городов подают заявки на конкурс, а следовательно, каждый год поздней зимой и весной у урбанистов, практикующих соучастие, гарантированно есть работа. При этом важно отметить, что широкая география при сжатых временных сроках не позволяет появиться монополисту на соучастие, поддерживая ситуацию, в которой на урбанистическом рынке действует множество различных профессионалов. С другой стороны, это привело к тому, что на рынке возникло предложение «второго раздела под ключ», что, по словам многих урбанистов, приводит к рутинизации и конвейеризации работы, а также проблемам с интеграцией работы специалистов по соучастию и проектировщиков.

Различные акторы поддерживают эту институционализацию документально — так, в 2019 году были разработаны методические рекомендации Министерства строительства и Агентства стратегических инициатив, позже были опубликованы методические рекомендации Центра компетенций Ленинградской области, Центра компетенций Республики Башкортостан и т. д. Всего специалисты насчитывают порядка 17 методичек по проведению вовлечения горожан.

Сейчас институциализация соучаствующего проектирования проходит новый виток своего становления. В массовую практику входит разработка новых для российских реалий стратегических документов городского планирования — мастер-планов — в техническом задании предполагающих соучастие. Оно содержит опрос, глубинные интервью, фокус-группы и проектные сессии с горожанами и территориальными акторами. Это относительно новый рынок для специалистов по соучастию: то, что продолжают действовать ФКГС и Конкурс малых городов, делает практику соучастия по-настоящему массовой.

Массовизация практики соучастия ставит множество вопросов перед практикующими специалистами. В первую очередь это связано с тем, что несмотря на то, что рынок требует все больше специалистов по соучастию, образовательные учреждения не спе-

шат реагировать на этот запрос. Ни в одной из институций, которые обучают урбанистов, будь то Высшая школа урбанистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Университет ИТМО, Центр урбанистики Тюменского государственного университета, нет обучения непосредственно соучаствующему проектированию. Существуют курсы по городской социологии или антропологии, но прикладному соучастию обучают разве что на программе дополнительного профессионального образования от РАНХиГС и Проектной группы 8[8]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что имеющимся на рынке специалистам приходится брать все больше контрактов и/или масштабироваться за счет неподготовленных кадров, которые обучаются в процессе практики.

Резонно было бы поднять вопрос о ремесленной природе соучаствующего проектирования. Наши собеседники отмечают отсутствие как такового вопроса о соучастии — это становится вопросом мастерства работающего с соучастием профессионала. Хороший специалист сделает соучастие качественно и обеспечит реальное вовлечение горожан и перераспределение власти, говорит Александр Замятин [Замятин 2021]. Плохой специалист вместо соучастия реализует манипуляцию, настаивает Святослав Мурунов [Мурунов 2019]. При этом, по мнению наших информантов, научить соучастию можно только в режиме реального проектирования с реальными горожанами, что создает диалектику запроса на качество соучастия и массовизации практики.

История институациализации соучаствующего проектирования в России еще не закончена. До 30% вовлеченных в развитие городской среды граждан, о которых говорит президент Владимир Путин, еще далеко. Но тем не менее, мы можем утверждать, что уже сформировалось поколение специалистов, которые не представляют себе урбанистику без вовлечения горожан — пусть разной глубины и качества, но вовлечение необходимо. Для этих специалистов неприемлема позиция проектировщика-демиурга, который создает реальность манифестацией собственной воли и фантазии. Именно это поколение и его ценности будут рассмотрены дальше.

Результаты исследования

Изначальной целью нашего исследования было продемонстрировать ценностные и академические установки урбанистов поколения 2010–2020-х годов, однако выводы, к которым мы пришли в ходе анализа, показались нам интереснее, чем перечень Great books или список великих менторов. Фокус исследования было решено

[8] https://8architects.com

сместить на определение соучастия, исходящее от заданной группы; чтобы его вывести (или не вывести), нам сперва потребуется охарактеризовать саму урбанистику как дисциплину.

Пытаясь определить теоретические предпочтения современных урбанистов, мы столкнулись скорее с их отсутствием; блок вопросов о ценностных ориентирах также вызвал ворох противоречий. Несмотря на несколько предсказуемый перечень «обязательной литературы» (Джейн Джекобс, Глазычев, Лефевр, Зукин и пр.), информанты в целом не высказывались о том, что они почерпнули из той или иной литературы. Ярчайшим примером для нас послужил Ольденбург — никто из тех, кто его упоминал, не апеллировал к идее «третьего места», и в целом было не очевидно, как конкретно Ольденбург повлиял на их взгляды. Можно говорить о более прикладном характере прочитываемой литературы — в основном информанты читают статьи, рассказывающие о кейсах; чтение профильной литературы подчинено практике проектирования.

> [А как вы вообще потребляете урбанистическую информацию? Есть ли у вас какой-то, я не знаю, дневной или недельный рацион, что вы читаете эти телеграм-каналы, эти научные журналы, просматриваете сайты этих издательств? Как это устроено?] У меня нет такого, как бы, рутины. Скорее как-то информация приходит из разных мест. Но иногда я читаю телеграм-канал «Лес и забор», Костю Бодарина. А так мне периодически вот мой ведущий подкаста скидывает какие-нибудь статьи[9].

> Ну, короче, у меня такой немножко пантеон, скажем так, практический. Я просто... У меня нету, как бы, классики[10].

Говоря о ценностных ориентирах информантов, вернемся к уже упомянутой непоследовательности. Ценностные ориентиры выявлялись: 1) вопросом о принадлежности к политическому спектру (правый, левый), 2) вопросами, выясняющими отношение к соучаствующему проектированию, автономности муниципалитетов, а также к гендерному перекосу в урбанистике и проектировании. Из 21 информанта лишь один человек назвал себя правым и лишь один — центристом. Остальные 19 описали себя как левых, однако, строго говоря, по многим вопросам их позиция оказалась не последовательно левой. Разберем отношение к гендерному перекосу: его наличие в основном признавалось, однако это не рассматривалось как проблема — как минимум, такая, что требует немедленного решения. Гендерный перекос должен был решиться сам собой, со сменой поколений.

[9] Интервью 6, полевой материал авторов.
[10] Интервью 10, полевой материал авторов.

> Ну, наверное, да, все-таки это распределение должно быть более равномерным впоследствии. Но просто сейчас это... сейчас те, кто представляют авангарды в профессиональной сфере, это все-таки те, кто еще хотя бы рождался в Советском Союзе, наверное. Ну, может быть, чуть-чуть в постсоветской России, в 90-х годах. И все равно это все еще были люди, которые росли в таком постсоветском мире мышления, культуре и так далее. Вот эти гендерные какие-то границы, они только сейчас начинают быть публичными, во-первых. Во-вторых, каким-то образом осмысливаться. И, наверное, вот эффект от этого процесса мы увидим только вот когда мне уже будет лет 40, то есть через 20 лет еще[11].

> Но я не вижу проблемы в том, что в рейтинге мало женщин. То есть просто количественно увеличивать число женщин, наверное, не стоит, как это делают во французском правительстве. Ну то есть мне кажется, что это немного какая-то искусственно созданная вещь. ‹…› я считаю, что это не совсем правильно, то есть если действительно профессионалов больше мужского пола, то почему бы и нет, ну пусть тогда женщины как-то тоже, наверное, стремятся, пусть создают блоги, пусть продвигают какую-то свою мысль[12].

Последовательно левой позицией было бы введение квот на увеличение количества женщин в составе проектирующих команд или выделение их в особую категорию пользователей при исследовании территорий, однако такой подход был поддержан лишь одним информантом.

Соучаствующее проектирование оказалось проблемной зоной: несмотря на практически единогласное признание его необходимости, часто встречалась позиция, отказывающая пользователям в определенной агентности и экспертности; в соучастии также обсуждались лишь запросы и пожелания пользователей, а существующие практики конструирования не обсуждались вовсе. Покровительственный и просвещенческий тон сочетался с попытками восприятия через оптику горожан:

> …и я вообще пока не поняла, в чем прикол соучастия. ‹…› Соучастие может быть разным. Вот мы когда готовили кейс, там у нас была одна из спикеров, Г. Ж., по-моему, она из Н-Р, и там при поддержке К. реализовали, как бы, сад небольшой для жителей, и, как бы, по факту сделали возможность жителям влиять на среду. И люди стали более вовлеченными и больше заботятся о пространстве. Типа, если это соучастие в такой форме, то это супер. Если это соучастие для обсуждения мастер-плана, не знаю. Короче, не понимаю[13].

[11] Интервью 11, полевой материал авторов.
[12] Интервью 2, полевой материал авторов.
[13] Интервью 10, полевой материал авторов.

Муниципалитеты единогласно признавались проблемной зоной российского градостроительства — слишком пассивные, бедные, недостаточно осознанные, не понимающие концепцию соучастия. О муниципалитетах говорили покровительственным тоном, не разграничивая их внутренне. Редкие информанты не обобщали. Интересно отметить: если по отношению к гендерному перекосу опрошенные были склонны занимать выжидательную позицию, то совсем иным было их отношение к муниципалитетам: их нужно спасать и просвещать немедленно, самостоятельно агентность они обрести не смогут. Любопытно, что институционально муниципалитеты поставлены в позицию, в которой они имеют очень ограниченную субъектность в сфере городского развития. Они не являются заказчиками мастер-планов — юридически это нецелевое расходование средств на юридически ничтожный документ, они не являются полноценными операторами программы ФКГС, т. к. эта программа во многом отдана на откуп региональным центрам компетенций и региональным министерствам строительства, а Конкурс малых городов и исторических поселений является, ввиду своей конкурсной природы, негарантированным инструментом развития.

> Если это не региональная столица, то это скорее всего... что-то несуществующее. Просто муниципалитет, опять-таки, это все вытекает снова из проблем политической системы, у муниципалитетов в последние годы только отжимают власти бюджет, а ничего им не дают. Не понимаю, как в такой ситуации муниципалитет вообще может что-то продуктивное и адекватное генерить, если у него нет никаких ресурсов ни властных, ни денежных. Им спустили сверху план. У них есть выбор потратить, грубо говоря, несколько миллионов на ремонт тротуара в центре города или на классную практику соучаствующего в проектировании. Очевидно, что любой мэр выберет тротуар в центре города, потому что у него бабушки регулярно падают, ноги все ломают. Тут выбор между хозяйственным и развитием. Развитие — нет денег делать. Нет политической воли, тем более, и нет возможности эту политическую волю безопасно сейчас заиметь. Поэтому вот так получается, да, муниципалитеты проблемные. Они, скорее, даже не проблемные, они, скорее, просто никакие. Вот. Они просто выполняют хозяйственные задания, грубо говоря[14].

У нас есть гипотеза касательно того, что вызывает такие противоречия. Обратимся к той, кого обычно не упоминают в текстах о городе — Аннмари Мол. Во «Множественном теле» [Мол 2017] Мол изучает атеросклероз: не представления о нем врачей или пациен-

[14] Интервью 17, полевой материал авторов.

тов, не атеросклероз как illness, sickness или disease, как это было в трудах о медицинской антропологии до нее — Мол изучает атеросклероз сам по себе. Она приходит к тому, что атеросклерозов существует множество: атеросклероз как боль в ногах, атеросклероз как перемежающаяся хромота, как холестериновая бляшка и пр. Мы утверждаем, что, по аналогии с атеросклерозом, существует два урбанизма. Мы настаиваем именно на двух разных урбанизмах, а не на нескольких «ипостасях» одного. Эти два урбанизма различаются концептуально, отчего не могут быть сведены к одному объекту, и именно поэтому они вызывают столько противоречий: внутренний конфликт наблюдался у всех опрошенных, более глубокий для специалистов из изначально «научных» сфер, и менее острый, но все еще существующий для тех, кто приходил в урбанистику как в сферу практики. Опишем их подробнее.

Первый урбанизм существует как наука. Он подразумевает под собой теорию (хоть и неясно, какую), методологию, пантеон великих менторов, научную степень (большинство информантов — выпускники ВШЭ, ИТМО и РАНХИГС по программе «Урбанизм» или имеют околопрофильное образование), и, самое главное — он универсален. Законы физики работают одинаково по всему земному шару, и, раз урбанизм — наука, его выводы также должны быть конвертируемы. Здесь рождается мысль о переносе уже доказавших свою эффективность проектных решений и даже целых социальных институтов в другие регионы — скажем, если определенная практика прижилась в шведском Умео, она же сможет прижиться в Москве.

> …ну типа вот в чем является какая-то живая урбанистика, то есть мы ориентируемся на какие-то вот, то есть, ну на в основном какие-то европейские, американские города, чаще всего, и где какая-то вот городская среда, которую мы привыкли видеть, условно, те же велодорожки, да, что она появилась именно благодаря какому-то запросу снизу. То есть, как бы, вот это такая настоящая живая урбанистика, когда, как бы… Но люди заявили о своем гражданстве, о своем праве на город через какие-то действия, чтобы они могли пользоваться именно городом так, как они хотят, так, как им удобно. И сейчас у нас, несмотря на весь тоталитаризм внутри России, мы научились копировать какие-то эти решения[15].

Второй урбанизм существует как практика и сборник практик. Он рождается из практикоориентированных курсов высшего образования, собственного опыта проектирования и текстов, описывающих всевозможные кейсы. С «урбанизмом-наукой» «урбанизм-практика» находится в противоречии, т. к. практики по определе-

[15] Интервью 15, полевой материал авторов.

нию не переносятся в другой регион или сферу, не теряя изначально заложенных свойств и эффектов.

В выкладках Мол разные атеросклерозы друг с другом не связаны и друг к другу несводимы, однако не противоречат друг другу — так почему же противоречат друг другу урбанизмы? Дело в том, что разные атеросклерозы принадлежали разным людям: боль в ноге, которую ощущали пациенты, никогда не существовала у хирурга, а терапевт никогда не видел холестериновых бляшек в разрезанных сосудах. Здесь же два разных урбанизма сосуществуют у одного специалиста — один и тот же человек внутренне пытается «сделать» урбанизм из двух разных вещей.

Этим же объясняется невозможность задать границы урбанистики и определить самого урбаниста. Его не существует и в его собственных размышлениях: существуют два урбаниста, идущих к разным целям разными путями, условно сведенными под общим названием «соучастие». Необходимо отметить сложность определения соучастия: если урбанист-практик может опираться на документы Минстроя[16] и критерии конкурсов малых городов, то урбанист-ученый обречен на вечный поиск в условиях отсутствия консенсуса в сообществе. Соучастие творится в момент соучастия, что вызывает неопределенность в трактовке этих терминов как для практиков, так и для исследователей [Стась 2024].

В ходе интервью некоторым информантам было предложено определение урбаниста по вектору темпоральности: проектировщик, планировщик, работающий с «будущим» города предлагался как урбанист, а специалист-оператор (например, сотрудник ЖЭКа) из урбанистики исключался. Практически никто не согласился с предложенным определением: ведь если урбанизм — это набор практик, то из него недопустимо исключить актора, претворяющего эти практики.

> [Один из моих информантов высказывал точку зрения, что урбанисты — это такие люди, которые занимаются проектированием будущего, а операторы существующих систем это вроде не урбанисты. Если человек занимается проектированием системы обращения с мусором в городе, то он урбанист, а если он является оператором этой системы, то он не урбанист.] Но он же участвует именно сейчас. То есть мы можем спроектировать что-то, сделать разные проекты, но не факт, что они будут реализованы, и непонятно, когда они будут реализованы. То, что происходит сейчас, тоже важно и тоже имеет значение, потому что мы живем сейчас,

[16] См., например, Приказ Минстроя России от 30 декабря 2020 г. № 913/пр «Об утверждении методических рекомендаций по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решении вопросов развития городской среды».

и вот они сейчас участвуют в жизни города. То есть это будет не когда-то там потом, а мусор надо убирать сейчас[17].

…точно для меня [темпоральность] не характеристика, точнее так, это точно для меня не составляющая определения, это скорее характеристика, которой еще непонятно, как бы что с ней делать. Возможно, будь мой, значит, могла бы я решать, я бы вообще сказала, что вся темпоральность, она вредная, а вся только, как бы, модальность, она полезное и эффективное, потому что сколько я, как бы, сталкиваюсь с тем, что именно от темпоральности потом все беды, когда профессионалы пришли, что-то сделали, а потом это не осело на территории, тут еще предстоит понять, что нам с этой темпоральностью делать, проектным подходом[18].

Мол не существовала бы без Латура: обратимся к нему и мы. В «Политике природы» Латур [Латур 2019] вводит деление на мир политического (бренного, людского, выдуманных социальных конструктов и бессмысленных диспутов) и мир натуралистического, природного (мир науки, фактов и «объективной реальности») [Там же: 109]. Можно сказать, что два урбаниста живут в двух разных мирах: урбанист-практик живет в мире политического; он не отстраненный от «бренного» мира объективный наблюдатель, а участник сети — актор, наделенный властью давать голос одним и заглушать голоса других. Из вороха социальных конструктов, образов города и мнений он волен и обязан выделять те, что, по его мнению, окажутся лучше. Урбанист-ученый, в свою очередь, не может быть полноправным участником сети: он лишь рупор, говорящий *за* факты. Он — объективен и беспристрастен: белый халат не дает ему власти над фактами, и не в его компетенции выбирать из всех фактов важнейшие, лучшие, наиболее выгодные в долгосрочной перспективе или учитывающие запросы малого бизнеса. Сосуществуя в одном человеке, два этих урбаниста живут в двух разных мирах, и их концептуальное различие приводит ко внутренним разногласиям и противоречиям.

Два урбаниста, работая совместно, не могут вывести одно «соучастие» — что оно, по большому счету? Научный метод сбора информации теми, кто выбрался за пределы Пещеры? Практика, порожденная политическими животными для политических животных? В каком-то смысле и то, и другое.

[17] Интервью 4, полевой материал авторов.
[18] Интервью 7, полевой материал авторов.

Выводы

Несмотря на то, что дебют выбранного нами для анализа поколения пришелся на взрывную популярность практик соучаствующего проектирования, среди этого поколения нет согласия ни в вопросах того, что такое соучастие, ни как его воплощать — есть лишь уверенность в его необходимости. Нет общего мнения о том, кому в процессе соучастия нужно отдать больше агентности — застройщику, проектировщику, пользователям? Если пользователям, то каким — женщинам, детям, пенсионерам по возрасту? Насколько им можно доверить уже сотворенное для них же пространство? Отсутствие определения соучастия и его методик как дает пространство для творчества и поиска уникальных решений к каждому кейсу, так и сеет дополнительный раздор в профессиональном сообществе — и в каждом профессионале.

Шаткий статус урбанистики, будучи источником проблемы, также не способствует решению проблемы. До сих пор нет согласия на предмет того, что она из себя представляет, область ли это практиков-градостроителей или ученых-социологов. Внутренне ощущая конфликт между «урбанизмом-практикой» и «урбанизмом-наукой», «урбанистом-демиургом» и «урбанистом-медиатором», никто не может прийти к его решению. Онтологический разрыв не могут сократить и попытки проинституциализировать урбанистику — между собой учебные заведения также не могут договориться на тему того, что же по итогу считать урбанистикой и какой набор hard и soft навыков нужен специалисту [Трубина 2022].

Попытаемся ответить на исследовательский вопрос, поставленный нами в самом начале. Как же заданное поколение определяет соучаствующее проектирование? Как не до конца проясненный девиз и завещание, как недостижимый идеал, который они, тем не менее, обязаны преследовать. Уверенная поддержка инклюзивности и неуверенная поддержка феминизма, отрицание позиции демиурга и положительное отношение к некоему сферическому соучастию в вакууме, покровительственно-просвещенческое отношение к региональной муниципальной власти, а также осторожное одобрение умеренно левых тенденций — все эти черты поколения вытекают из неустановленности «соучастия». Общая шаткость убеждений вытекает из онтологической шаткости дисциплины. В отсутствии четкого ответа не повинна наша недобросовестность или неадекватность методов. Возможно, новая наука и практика пока вовсе не готовы к конкретике — для того, чтобы задать соучастие или хотя бы урбанистику, необходимо сперва отказаться от двухпалатного парламента Мира и Фактов.

Подчеркнем, однако, что наша работа — первая ласточка, призванная обратить внимание на состояние урбанизма в России. Ее

цели будут достигнуты, если она станет отправной точкой для дискуссий, ведь неопределенности урбанистики — не досадный недостаток, а потрясающая возможность.

Литература

Вагин, В. В. (2016). Теоретические аспекты развития инициативного бюджетирования в России. *Финансовый журнал*, *3*(31), 105–114. https://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-3-44-50

Верещагина, Е. И. (2021). Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России. *Городские исследования и практики, 6*(2), 7–25. https://doi.org/10.17323/usp6220217-25

Глазычев, В. Л. (2005). *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.

Замятин, А. (2021). *За демократию: местная политика против деполитизации*. [Б. м.]: Издательские решения.

Кияненко, К. В. (2019). Круг средового знания и его сегментация в теории архитектуры. *Academia. Архитектура и строительство, 2019*(3), 44–50. https://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-3-44-50

Латур, Б. (2025). *Политики природы. Как привить наукам демократию*. М.: Ad Marginem. 319.

Мол, А. (2017). *Множественное тело: онтология в медицинской практике*. Пермь, Гиле Пресс.

Мурунов, С. (2019). *Социальное проектирование или соучастие в манипуляциях*. URL: https://www.academia.edu/38580853/Социальное_проектирование_или_соучастие_в_манипуляциях

Савельев, М. В., Унагаева, Н. А., Федченко, И. Г. (2021). Особенности формирования открытых общественных пространств Красноярска в зоне влияния объектов культурного наследия. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2021*(42), 135–157. https://doi.org/10.17223/22220836/42/12

Санофф, Г. (2015). *Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов*. Вологда: Проектная группа 8.

Стась, И. Н. (2024). Множественная урбанистика и ее языки описания. *Городские исследования и практики, 9*(4), 6–21. https://doi.org/10.17323/usp9420246–21

Трубина, Е. (2022). Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России: между фундаментальным и прикладным. *Новое литературное обозрение, 2022*(6), 125–145.

Arnstein, S. R. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of planners, 35*(4), 216–224. https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Sanoff, H. (2010). *Democratic design: Participation case studies in urban and small town environments*. Saarbrucken, Germany: VDM.

References

Arnstein, S. R. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of planners, 35*(4), 216–224. (In Russian). https://doi.org/10.1080/01944366908977225

Glazychev, V. L. (2005). Inner Russia: 2000–2002. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russian).

Kiianenko, K. V. (2019). The circle of local knowledge and its segmentation in architecture theory. *Academia. Arkhitektura i stroitelstvo, 2019*(3), 44–50. (In Russian). https://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-3-44-50

Latour, B. (2025). *Politics of nature: How to bring the sciences into democracy*. Moscow: Ad Marginem. 319. (In Russian).

Mol, A. (2017). *The body multiple: Ontology in medical practice*. Perm, Gile Press. (In Russian).

Murunov, S. (2019). *Social engineering or participatory in manipulation*. Retrieved from https://www.academia.edu/38580853/Sotsial'noe_proektirovanie_ili_souchastie_v_manipuliatsiiakh (In Russian).

Sanoff, G. (2015). Democratic design. Participation case studies in urban and small town environments. Vologda: Proektnaia gruppa 8. (In Russian).

Sanoff, H. (2010). *Democratic design: Participation case studies in urban and small town environments*. Saarbrucken, Germany: VDM.

Savel'ev, M. V., Unagaeva, N. A., Fedchenko, I. G. (2021). Features of the formation of open public spaces in Krasnoyarsk in the zone of influence of cultural heritage sites. *Tomsk State University Journal. Culturology and Art History, 2021*(42), 135–157. (In Russian). https://doi.org/10.17223/22220836/42/12

Stas', I. N. (2024). Multiple urbanism and its description languages. *Gorodskie issledovaniia i praktiki, 9*(4), 6–21. (In Russian). https://doi.org/10.17323/usp9420246–21

Trubina, E. (2022). Thirty years of academic urban studies in Post-Soviet Russia: Between fundamental and applied. *New Literary Observer, 2022*(6), 125–145. (In Russian).

Vagin, V. V. (2016). Theoretical aspects of the development of initiative budgeting in Russia. *Finansovyi zhurnal, 3*(31), 105–114. (In Russian). https://doi.org/10.22337/2077-9038-2019-3-44-50

Vereshchagina, E. I. (2021). Participatory design: Features of the approach in Russia. *Gorodskie issledovaniia i praktiki, 6*(2), 7–25. (In Russian). https://doi.org/10.17323/usp6220217-25

Zamiatin, A. (2021). *For Democracy: Local politics against depoliticization*. Izdatelskie resheniia. (In Russian).